

Пролог

Полгода назад, реабилитационный центр

— Здесь не такой климат, как в Калифорнии. Совсем другой, — сказала я, устремив взгляд в панорамное окно.

Передо мной был внутренний двор с пальмами и бассейном, там в это время прогуливались другие пациенты. Женщина, сидевшая напротив меня, ответила:

— В Майами высокая влажность.

Я кивнула и нехотя перевела на нее глаза. Мой психотерапевт. Человек, которому нужно рассказывать о своих проблемах, а она, в теории, должна помочь мне их решить.

— Как прошла твоя неделя, Белинда?

— Так же невыносимо долго, как и предыдущие здесь.

Миссис Томпсон — так ее зовут — тяжело вздохнула. Она хотела услышать не это.

— Я знаю, Белинда, ты не видишь смысла в наших встречах, но ты должна хотя бы попытаться мне открыться.

— Я не понимаю, зачем *вам* это нужно.

— Я хочу тебе помочь. Это моя работа.

— Вы помогаете людям за деньги.

— Таков наш мир.

Я закусила губу. Единственного человека, который искренне хотел помогать мне, я потеряла. И теперь сидела здесь, пытаюсь подавить в себе протест и хоть что-то

ЛАДУНКА К.

сказать, потому что мой отец за это заплатил. Через силу я выдавила:

— Всю неделю я думала, что хочу выйти отсюда и сорваться.

Миссис Томпсон кивнула.

— И что тебя остановило?

— Не знаю, — усмехнулась я. — Охрана?

— Тебя не держат здесь насильно. Ты можешь уйти в любой момент.

— Тогда чувство вины.

— Так, — протянула она, — продолжи эту мысль.

Я вздохнула. Мне не хотелось говорить, потому что не хотелось ничего вспоминать и испытывать боль. Но чем быстрее я сделаю это, тем быстрее отсюда уйду.

— Я виновата перед людьми. Перед своей семьей. И перед Томом. — На этом имени мой голос сорвался. — Я ужасно с ними поступала. Я просто... кусок дерьма. Я не заслуживаю быть здесь. Я вообще не заслуживаю ничего из того, что имею, особенно хорошего отношения.

— Почему ты думаешь, что такие вещи нужно заслуживать?

Я раздраженно дернула головой. Ее уточняющие и навязывающие вопросы меня бесили.

— Не думаю, что кто-то что-то должен заслуживать. По-моему, такое говно, как я, не имеет на эти вещи прав.

На лице миссис Томпсон появилось сожаление. Я отвела взгляд, чтобы не смотреть.

— Из твоих слов понятно, как сильно ты себя ненавидишь.

— Это не новость — все, действительно, так.

— Признание проблемы — важная часть ее решения.

Мне хотелось возразить, *что это никакая не проблема, это моя жизнь*, но я промолчала.

— Ты хочешь еще что-то сказать? — спросила миссис Томпсон.

Я нерешительно пожала плечами.

ДВЕ СЕКУНДЫ ПОСЛЕ

— Хорошо, — она кивнула, — Белинда, твоей жизнью и твоими эмоциями управляет вина. Тебе нужно себя простить.

Я сильнее натянула рукава кофты и посмотрела на свои руки.

— Даже не знаю, как это... Просто, понимаете, мне не нравится жаловаться или ныть, и все такое, но... — Я глубоко вздохнула, пытаюсь собрать слова в нормальное предложение, — я знаю, что виновата во всей своей жизни. Если бы я была другой, если бы иначе себя вела... наверное, и в моей семье все было бы не так. Мама любила бы меня, и у них с отцом все было бы хорошо. Может, это глупая мысль, но не могу не думать о том, что это я все испортила.

Психотерапевт нахмурилась и кивнула. Потом сказала:

— В твоей семье происходили ужасные вещи.

— Да, — тихо согласилась я.

— И ты с детства чувствовала вину.

Я кивнула и опустила взгляд в пол.

— Ты думала, что виновата в происходящем, — добавила миссис Томпсон.

— Когда мы все это озвучиваем, ситуация кажется бредом. — Я подводила итог нашей беседы. — Как может ребенок быть в чем-то виноват, ничего не сделав? Но... я жила в своей семье. И понимала, что так считают и другие.

— Ты чувствовала обвинение от родителей?

— Да.

Повисла пауза. Врач смотрела на меня, а я на свои руки.

— Белинда, — мягко сказала она, вынуждая взглянуть на нее, — ты молодец, что говоришь об этом. Я понимаю, как тебе больно.

— Спасибо, — прошептала я, боясь заплакать.

— Как чувство вины влияет на твою жизнь?

Я задумалась. Немного помолчав, ответила:

— Мне хочется умереть или сделать себе больно. Или принять наркотики, потому что... черт, это невыносимо.

— То есть ты пытаешься облегчить чувство вины и наказать себя? И всю жизнь ищешь наказание?

Где-то в солнечном сплетении стало очень больно. Мне не нравилось, что все мои поступки можно так грубо разложить по полочкам и обобщить. Моя жизнь всегда казалась мне сложной, но... По сути, она была примитивной.

— Да, — сказала я, — наверное, это правда.

Отец навестил меня спустя две недели нахождения в рехабе¹. Мне по-прежнему было невыносимо стыдно перед ним, но я была очень рада его видеть. Чувствовала, что обо мне помнят. За пределами этого места продолжает идти жизнь, и, кроме режима уборки и программы реабилитации, в этом мире есть что-то еще. Мы гуляли по двору, на улице было душно, солнце скрылось за тяжелыми тучами. После долгого разговора ни о чем, я сказала:

— Ты не ответил на прошлой неделе, когда я звонила.

— Если я не отвечаю, значит, работаю, — объяснил папа. — «Нитл Граспер» скоро начнут записывать альбом, нужно, чтобы к тому времени все было готово.

Я вздохнула. Не винила отца за занятость, но мне, правда, было грустно, когда в свободное время все болтали с родными, а мне никто не отвечал.

— Мне выдают телефон раз в неделю по субботам с пяти до шести. В следующий раз, пожалуйста, ответь...

— Я постараюсь, Бельчонок.

— Ты привез мне плеер? — я сменила тему.

— Конечно, как просила! — радостно ответил папа.

Мы прошли внутрь клиники, и он достал из рюкзака большой прибор, который я видела первый раз в жизни.

— Ого! И как этим пользоваться?

Отец закатил глаза и ответил:

¹ Рехаб — реабилитационный центр.

ДВЕ СЕКУНДЫ ПОСЛЕ

— В мое время были только такие.

— Пап, не начинай, а?

Он улыбнулся и принялся объяснять. Дело в том, что здесь были запрещены телефоны или любые другие программируемые устройства. Музыка слушать было можно, но только с плеера, который проигрывает диски. До этого я даже не знала, что такие существуют.

Отец привез мне свой старый, но наушники взял новые. Было приятно, что он обо всем позаботился. Когда папа показывал мне, как открывать дисковод и воспроизводить песни, я спросила:

— А диски взял?

— Ну, конечно, взял.

— Как я просила?

— Не все получилось достать, но большинство да.

Я стала копаться в них в надежде увидеть самые желанные...

— Где «Нитл Граспер»? — возмутилась я.

Папа устало вздохнул. Я никогда специально не слушала эту группу, но сейчас мне было жизненно необходимо услышать голос Тома.

— Я привез все альбомы, — сказал он, в то время как я увидела нужные обложки.

— Спасибо, пап! — Я улыбнулась.

Немного помедлив, обняла его. Он погладил меня по голове и сказал:

— Белинда, я очень хочу, чтобы ты справилась. Не забивай свою голову ничем лишним, прошу тебя, думай только о выздоровлении.

Я отстранилась от него и неловко кивнула.

— Ты же знаешь, что наркомания не лечится. — Попыталась перевести тему. — Болезнь может только уйти в ремиссию.

Отец поджал губы. Наверное, он подумал, что я, как обычно, ничего не поняла, но это не так. Папа не хотел, чтобы я вспоминала о Томе. А я не могла о нем не думать.

ЛАДУНКА К.

Я буквально жила только благодаря мыслям о нем. Мне было больно, но я изо всех сил держалась за мгновения, что у нас с ним были. Я не могла его отпустить, наверное, умерла, если бы сделала это.

— Ты по-прежнему слушаешь его песни? — спросила миссис Томпсон.

— Да... — протянула я, — каждый день.

— И что ты чувствуешь?

Я опустила голову и снова посмотрела на свои пальцы. В горле и глазах закололо. Когда дело касалось Тома, я начинала плакать.

— Мне больно, — ответила тихо, — мне очень больно. Я сделала ему столько дерьма, что не могу об этом думать...

Слезы полились из глаз, и я всхлипнула. Потом выдвинула из себя:

— Простите...

— Ничего страшного, — ответила миссис Томпсон и протянула мне коробку салфеток.

Я взяла, но лицо все равно вытерла руками.

— Что ты сделала Тому? — спросила она.

— Я была ужасной эгоисткой... Вообще не думала о нем, о его чувствах, о том, как ему сложно... Я просто хотела, чтобы он был мой, мне нужен был этот сумасшедший кайф рядом с ним. А что происходит с Томом, мне было неважно.

— Но ведь быть эгоистом — нормально.

— Не до такой степени. Я ведь люблю его по-настоящему! Как можно было так наплеватьски к нему относиться? — Мой голос сорвался, пальцами я поймала слезы у глаз и смахнула их. — Но я поняла это только сейчас, когда мы больше не вместе, и в этом нет никакого смысла.

— Он бросил тебя в самый тяжелый период жизни, — напомнила миссис Томпсон. — Это тоже было эгоистично, ты так не считаешь?

ДВЕ СЕКУНДЫ ПОСЛЕ

— Он... — я запнулась, потому что никогда не думала в таком ключе. — Ему было плохо, понимаете? Правда плохо, я видела. А еще я устроила ему ад на земле. Слабо понимаю, как он вообще продержался так долго и не послал меня раньше. Нет, его можно понять.

— Но тебя тоже можно понять. Ты больна, у тебя наркозависимость, — она пожала плечами, — ты встречалась с Томом, когда употребляла. Болезнь управляла тобой, ты была не в силах с ней справиться. Не могла думать о нем, потому что все мысли были о наркотиках.

— Зато теперь я хочу вылечиться, чтобы хоть как-то загладить вину. Может, это глупо, но я надеюсь, что у меня появится шанс его вернуть.

На лице психотерапевта отразилось сочувствие. Она кивнула и сказала:

— Но ведь он мог поддержать тебя в этом деле. Мне кажется, тебе было бы проще.

— Не знаю... — задумалась я. — Может, он просто меня разлюбил.

— Этого мы не можем исключать.

Было больно такое слышать. Проиригнорировав ее слова, я сказала:

— Я живу призрачной надеждой, что мы снова будем вместе. И если этого не случится, то я просто не знаю, как мне жить дальше. Я не представляю своего будущего без него, не представляю, что смогу влюбиться в кого-то другого.

— Нужно время, чтобы стало легче.

Я грустно улыбнулась.

— Это звучит как издевательство... Прекрасно понимаю, что никто и никогда не будет любить меня так, как любил Том. Таких, как он, больше нет. Даже родители обо мне так не заботились.

Повисла пауза. Я обратила внимание на приоткрытое окно, из которого дул прохладный свежий ветер. В небе

собирались тучи, а пальмы качались. Люди, гуляющие во дворе, начинали заходить обратно в здание.

— Тебе не хватало заботы родителей? — спросила миссис Томпсон.

Я очнулась и посмотрела на нее.

— Да. Просто... Кто еще будет заботиться о тебе, если не родители? Любым другим людям это не надо, всем плевать. Но мама меня не любит, а отец любит, но... ему по большей части не до того, что со мной происходит.

— То есть Том дал тебе то, чего не давал твой отец?

Я закусила губу и уставилась на нее, покачав головой.

— Да, но... Слушайте, я знаю, как это звучит. Но это ничего не значит. Том — просто хороший человек и так проявляет любовь. То, что эти вещи совпали — случайность.

— Как думаешь, твой отец и Том похожи? — Она нахмурилась.

— Возможно, в чем-то. Они же друзья. А друзья всегда похожи, это логично.

— И как много в Томе черт твоего отца?

Тревога и тошнота сдавили грудь. Я сглотнула и сжала челюсть.

— Я понимаю, к чему вы клоните. Вы думаете, что я вижу в Томе отца.

— Я думаю, что ты переносишь роль отца на Тома, а он отчего-то с радостью ее выполняет.

— Вы ведь не должны давать оценку моим или его действиям, психологи так не делают, правильно?

Миссис Томпсон пожала плечами.

— Ты сложный пациент, и я пытаюсь говорить с тобой так, чтобы ты меня поняла.

— Меня тошнит от этой мысли, — бросила я, — давай о другом.

Она кивнула.

— Честное слово, Белинда, у меня нет коварного плана. Мы будем говорить только о том, о чем ты сама захочешь.

ДВЕ СЕКУНДЫ ПОСЛЕ

— Ладно.

Я снова замолчала, а психотерапевт не торопилась прервать тишину. Спустя время она все-таки спросила:

— О чем ты хочешь поговорить?

— Не знаю. Предложите вы.

— Хорошо, — миссис Томпсон улыбнулась. — Как твои ощущения от приема лекарств?

Я задумалась. Мне прописали антидепрессанты и еще какие-то таблетки почти сразу, как приехала. Пичкали ими исправно каждый день, вот уже три недели.

— Ну, у меня больше нет тревоги, я не бьюсь в истериках и не пытаюсь себя убить. Я стала спокойнее, но... не могу сказать, что чувствую себя замечательно. Сами понимаете.

Она покивала.

— Лекарства должны поддерживать тебя, но основная работа — это психотерапия.

— Я понимаю. На самом деле, меня просто убивает мысль, что нужно использовать костыли, чтобы быть нормальным человеком.

— Ты нормальный человек. Просто твой мозг работает немного неправильно. Таких, как ты, много.

Я кивнула. Мне нужно было время, чтобы смириться с тем, что теперь всю жизнь я буду сидеть на таблетках.

Я оперлась о подоконник руками и посмотрела в окно. На улице шел ливень: летом в Майами сезон дождей. Сейчас было свободное время, отведенное на встречи с родными. Я никого не ждала, отец точно не стал бы приезжать ко мне две недели подряд, так что проводила время наедине с собой.

В наушниках играли «Нитл Граспер». Том пел совершенно прекрасную, но до боли грустную песню. Про одиночество, разбитое сердце и непрекращающееся похмелье. Я чувствовала, насколько он был разбит в этой песне. Хотя никогда не видела его таким в жизни. И даже не подумала